

УДК 811.111-26

О ВАЖНОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

© 2011 г.

В.С. Лоханов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

styx123@mail.ru

Поступила в редакцию 26.11.2010

Рассматривается значение адекватного художественного перевода поэзии на примере стихотворений Оскара Уайльда. Адекватность перевода оценивается с точки зрения точности передачи различных типов информации, а также с позиции когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: концептосфера, проблемы перевода, стилистические приёмы.

В современном мире, придающем всё большее и большее значение диалогу культур, как никогда важными становятся проблемы передачи концептосфер и идиостилей различных авторов, так как именно в литературе наиболее чётко прослеживаются всевозможные аспекты культуры.

В качестве примера разберём удачные переводы стихотворений Оскара Уайльда на русский язык, а также наиболее частые стилистические и семантические потери при переводе.

Для начала следует упомянуть, что иногда переводчики и литераторы неоправданно занижают требования к переводу поэзии, мотивируя это сложностью передачи содержания при сохранении формы. Однако многие удачные переводы свидетельствуют о том, что при определённом уровне подготовки адекватный перевод поэтических текстов возможен практически в любом случае.

Одними из наиболее удачных переводов стихотворений Оскара Уайльда являются переводы, выполненные Н. Гумилёвым. Вот лишь один из них.

Theoretikos
This mighty empire hath but feet of clay:
Of all its ancient chivalry and might
Our little island is forsaken quite:
Some enemy hath stolen its crown of bay,
And from its hills that voice hath passed away
Which spake of Freedom: O come out of it,
Come out of it, my Soul, thou art not fit
For this vile traffic-house, where day by day
Wisdom and reverence are sold at mart,
And the rude people rage with ignorant cries
Against an heritage of centuries.
It mars my calm: wherefore in dreams of Art
And loftiest culture I would stand apart,
Neither for God, nor for his enemies.

Theoretikos
(перевод: Николай Гумилёв)
Империя на глиняных ногах —
Наш островок: ему уже не сродно
Теперь всё то, что гордо, благородно,
И лавр его похитил некий враг.
И не звенит тот голос на холмах,
Что о свободе пел: а ты свободна,
Моя душа! Беги, ты не пригодна
В торгашеском гнезде, где на лотках
Торгуют мудростью, благоговеньем,
А чернь идёт с угрюмым озлобленьем
На светлое наследие веков.
Мне жалко это; и, поверив чуду
Искусства и культуры, я не буду
Ни с Богом, ни среди его врагов.

Данный перевод отвечает всем требованиям, выделенным Н.В. Складчиковой, а именно четырём параметрам адекватности перевода различных средств и плана содержания произведения:

- параметр адекватности передачи образно-семантической информации;
- параметр адекватности передачи эмоционально-оценочной информации;
- параметр адекватности передачи экспрессивной информации;
- параметр адекватности передачи эстетической информации [1].

Кроме того, перевод отвечает критерию адекватности передачи коммуникативной информации, выражая ту же мысль, что и оригинал.

Поскольку Н. Гумилёв и сам был выдающимся поэтом, его перевод является, без сомнения, удачным. Однако стихотворный талант – не единственный залог успеха. Необходимо глубокое знание языка оригинала, его концептосферы.

Для наглядности разберём стихотворение *HÉLAS!*, которое сам Оскар Уайльд поставил эпиграфом к сборнику своих стихов, а следовательно, придавал ему большое значение.

O drift with every passion till my soul
Is a stringed lute on which all winds can play,
Is it for this that I have given away
Mine ancient wisdom, and austere control?
Methinks my life is a twice written scroll
Scrawled over on some boyish holiday
With idle songs for pipe and virelay,
Which do but mar the secret of the whole.
Surely there was a time I might have trod
The sunlit heights, and from life's dissonance
Struck one clear chord to reach the ears of God!
Is that time dead? lo: with a little rod
I did but touch the honey of romance –
So must I lose a soul's inheritance?

Is a stringed lute on which all winds can play,
Is it for this that I have given away
Mine ancient wisdom, and austere control?
Methinks my life is a twice written scroll
Scrawled over on some boyish holiday
With idle songs for pipe and virelay,
Which do but mar the secret of the whole.
Отдаётся всем страстям, пускай душой —
Тугой струной — любой играет ветер, —
Так вот за что я отдал всё на свете:
И трезвый ум, и волю, и покой!
Мне чудится, что свиток жизни мой
Мотивом глупеньким марают дети,
И смысл святой скрывают ноты эти...
А было время — дерзкою рукой
Я мог извлечь в нестройном жизни
хоре —
Прозрачней, чище горного кристалла —
Звук красоты неслышанной дотолле...
Неужто в прошлом всё? Усильем боле —
И, мнится, дотянусь до идеала...
Ужель навек душа моя пропала?

Перевод Ксении Атаровой

Сразу заметна потеря концепта “Drift”, значимого для английской культуры. Сходные эмоции возникают в русском сознании в связи со словом «скитаться», и несмотря на то, что в первом случае имеется в виду море, а во втором суша, эмоции и чувства одиночества и безнадежности (т.е. ассоциативные поля) очень схожи.

Далее теряется риторический вопрос “Is it for this that I have given away...?”, передающий неуверенность, сомнения героя, его разочарованность в самом себе. В переводе эта неуверенность предстаёт восклицательным, эмоциональным утверждением.

Эпитет “ancient” и определяемое им слово “wisdom” переданы стёртой метафорой “трез-

вый ум”. Нет необходимости доказывать, что концепт “трезвый ум” никак не пересекается с “древней мудростью”/ “мудростью древних”, а концепты “воля” и “покой”, употреблённые в этой же строке, не имеют ничего общего с “аскетичным/терпким самоконтролем”. Отметим, что слово “austere” имеет значение “терпкий”, которое реализуется в данном контексте как метафора.

В тексте перевода наблюдаем несоблюдение стиля: “глупенький” – слово разговорное, со сниженной стилистической окраской, а в целом словосочетание “глупенький мотив” создаёт нежелательный эффект. Кроме того, утрачен концепт ‘Бог’, и высокий образ заменен мирским (“звук красоты неслышанной дотолле”). Яркая метафора “dead” time передана банальной, просторечной фразой “неужто в прошлом всё”. Строка: “И смысл святой скрывают ноты эти...” вообще никак не представлена в оригинале и вносит совершенно новый смысл, так как “ноты” возвращают читателя к “глупеньким мотивам”, а не к истинной жизни лирического героя. Всё это нивелирует торжественный и вместе с тем тревожный тон повествования, превращая его в невнятные разговоры “обо всём”. Кроме того, заметно несоблюдение герменевтического аспекта перевода [2], как в выше упомянутой, так и в предпоследней строке “И, мнится, дотянусь до идеала”, действие в которой обращено в будущее, тогда как в оригинале – в прошлое: “I DID but touch the honey of romance.”

Отметим еще один факт, касающийся герменевтического аспекта. В тексте оригинала перед словом “soul” в последней строке стоит неопределенный артикль в родовой функции – имеется в виду любая душа любого человека. Таким образом, автор подчёркивает, что всё вышесказанное можно отнести к любому из читателей, он ни в коем случае не замыкается на себе. В переводе же наблюдается абсолютно противоположная картина: “моя душа”.

Вывод напрашивается сам собой. Полностью в переводе не соблюден ни один из параметров адекватности. Нарушена передача стиля, эмоций, идей, концептосферы, а следовательно и всего языкового и культурного богатства оригинала. Такой перевод нельзя считать адекватным, т.е. воспроизводящим функциональную доминанту исходного сообщения в соответствии с коммуникативной интенцией отправителя этого сообщения [3].

Дабы не быть голословным, попробуем перевести это стихотворение, соблюдая перечисленные выше замечания.

Скитаться по велению страстей,
Пока душа струною лишь не стала
На радость всем ветрам? Как это мало
За мудрость терпкую минувших дней!
Но жизнь поверх начертана моя
Дешёвых песенок в помятом свитке,
В нём детские стишки и перчатки
Марают глупостью секреты бытия.
Я из нестройной жизни прежде мог
Извлечь мелодию без капли лжи,
Я так играл, что наслаждался Бог!
Ну а теперь? Ужель последний вздох?
Едва познав соблазнов миражи –
За Что! терять наследие души...

Конечно, данный вариант перевода тоже далеко не совершенен, но, по крайней мере, он отвечает требованиям адекватности передачи различных типов информации, включая коммуникативный аспект, и точнее передаёт идеологию автора, сохраняя важнейшие концеп-

ты, стилистические приёмы и акценты, либо компенсируя их.

Это ещё раз доказывает, что соблюдение норм перевода художественной литературы, и в частности поэзии, не только возможно, но и необходимо, если целью являются понимание и проникновение в иноязычную культурную среду, обмен духовным наследием и взаимообогащение культур – факторы, которые должны играть определяющую роль в современном международном диалоге.

Список литературы:

1. Бреева Л.В., Бутенко А.А. Лексико-стилистические трансформации при переводе. М.: 1999. 240 с.
2. Семко С.А., Рябов Г.П. О герменевтическом аспекте перевода // Информационно-коммуникативные аспекты перевода. Часть II. НН, НГЛУ 1998 г. С. 112–133. 159 с.
3. Арнольд И.В. Стилистика английского языка. М.: Просвещение, 1990. 300 с.

**ON THE IMPORTANCE OF TRANSLATING POETRY
IN THE CONTEXT OF THE DIALOGUE OF CULTURES**

V.S. Lokhanov

The importance of adequate literary translation of poetry on the example of Oscar Wilde's poems is described. The adequacy of translation is assessed from the point of view of cognitive linguistics, with the accuracy of proper communication of different types of information being taken into consideration.

Keywords: sphere of concepts, difficulties of translation, stylistic devices.